

Т. Гриц, В. Тренин, М. Никитин. – «Словесность и коммерция».
(Книжная лавка А. Ф. Смирдина). Под редакцией В. Б. Шкловского и
Б. М. Эйхенбаума. Изд. «Федерация» М. Стр. 373. Ц. 3 руб. 25 коп.

Тема и даже самое заглавие книги, оказывается, не новы. Еще в 1835 г. проф. Шевырев поместил в «Московском наблюдателе» статью под заглавием «Словесность и торговля», в которой вскрыл «торговое направление» современной ему словесности с такой четкостью и обстоятельностью, что авторам нашей книги, говоря о той эпохе, нечего было прибавить от себя, а оставалось лишь обильно цитировать статью Шевырева и отклики на нее в тогдашней журналистике (стр. 279-297). Книга вообще сделана в излюбленном у формалистов жанре «литмонтажа», являясь чем-то в роде сводки свидетельств современников о книжной торговле в России в XVIII в. и в первой половине XIX века.

Такая сводка, вообще говоря, была бы очень полезна, но рецензируемая книга лишь похожа на сводку: для настоящей сводки по указанному вопросу она очень неполна (есть Смирдин, но отсутствуют или почти отсутствуют Глазуновы, Сленин, Плюшар и др.), загромождена посторонним материалом и бессистемна (о чем ниже), а главное – интервалы из разных источников заполнены не научно-деловыми комментариями, а безответственным и подчас маловразумительным разглагольствованием на формалистском жаргоне, не помогающем, а – напротив – мешающем читателю осмыслить цитатный материал.

На стр. 59 авторы заявляют: «В плане нашей работы нам интересно не отвлеченное изучение русской книжной торговли, а исследование вопроса о воздействии книжной торговли на литературный ряд». Но вопреки этой декларации, вопреки мобилизованному материалу, вразрез с общей установкой книги, поскольку она выражена в самом заглавии ее, авторы с упрямством начетчиков твердят формалистские зады на тему об автономности «литературного ряда». Оказывается, Карамзин «при издании альманаха... не рассчитывал на рынок и не преследовал коммерческих целей, а выполнял

историческое задание (?), *продиктованное ростом лирических жанров в русской поэзии*» (Стр. 190. Курсив везде наш. – Н. П.). Успех бестужеворылеевской «Полярной звезды» объясняется тем, что «как раз в это время определилась тенденция(?) создания русской прозы, и потому «Полярная звезда» (включившая в себя эту прозу) попала в полосу литературного взимания» (стр. 194). На стр. 207–208 авторы не согласны с утверждением «Северной пчелы», что «падение альманахов всецело обусловлено спекулятивной деятельностью их издателей». «Здесь были, – возражают они, – и другие причины, чисто литературного порядка. В 30-х годах XIX в. произошел *отлив поэтической волны. Движущие центры литературы переместились.*

От «автономности» литературного ряда один шаг до утверждения его примата. На стр. 346 кризис книжной торговли начала 40-х годов объясняется главным образом возросшей ролью толстого журнала, причем это обстоятельство трактуется, как *«своеобразное воздействие литературной формы (журнала) на экономический ряд»*. Эта историко-литературная метафизика вполне естественна для авторов-формалистов, но вводить ее в книгу о «Словесности и коммерции», да еще вопреки ясно выраженному собственному намерению вывести первую из последней – по меньшей мере странно.

Невольно является мысль, что авторы хотели просто спекулировать марксистски звучащим заглавием, тем более что книга вообще халтурна. Авторы имели неосторожность привести на стр. 284 одно место из Шевырева, являющееся для них убийственным. Сетуя по поводу коммерческого характера современной ему литературной продукции и вывода из условий гонорара самый стиль ее, Шевырев писал: «Куда девалась заветная краткость, о которой проповедовал Гораций?.. Посмотри, как наш писатель то, что можно сказать одним словом, выражает предложением, а предложение... вытягивает в длинный предлинный период, период – в убористую страницу, страницу – в огромный лист печатный... В чем тайна всего этого? В том, что цепа печатного листа есть 200 или 300 рублей. Нынче слова – деньги, слог, чем грузнее, том выгоднее. От такого слога растет статья, толстеют листы книги, вздувается самая книга,

как калач у пекаря... Извини, что мое сравнение пахнет дымом пекари, но оно вполне выражает мысль мою». Это не в бровь, а прямо в глаз нашим авторам. При внимательном просмотре их книги получается впечатление, что главной задачей авторов было не решение поставленной проблемы, а стремление «сделать» во что бы то ни стало книгу, и при том *толстую* книгу.

В самом деле: история книжной лавки Смирдина, долженствовавшая, согласно подзаголовку, составить центральное ядро книги, отодвинута в самый конец ее, занимая три последних главы (из десяти). Остальные главы, очевидно, должны служить «рассредоточению» Смирдина, о чем говорится в предисловии, т. е. отысканию его предшественников в предыдущую эпоху. Кое-что в этом направлении сделано: подчеркнут товарный характер лубочной литературы XVIII в., выяснена роль академических переводчиков в процессе профессионализации русских литераторов. Но число страниц, отведенное этим вопросам, не превышает 50, между тем как все «рассредоточение» заняло 200 страниц с лишним. Что же там еще? А вот не угодно ли: глава IV, посвященная «академическому переводчику и срамному поэту Баркову», глава совершенно не увязанная с темой книги и включенная в нее с явным «коммерческим» расчетом, как некий гвоздь книги. С темой книги увязан другой академический переводчик, Кондратович, но ему уделено всего-навсего две страницы, – очевидно в виду непопулярности его именно у широкой публики». Восхитительно, между прочим, объяснение барковщины: «Эпоха Баркова детерминировала его нецензурное творчество тем, что в печати могли существовать только определенные лирические жанры. И так как Барков не находил пути в печать, он начал писать стихи, которые вообще не могут быть напечатаны, стихи, предназначенные для распространения в быту» (стр. 143). Если так, то совершенно непонятно, почему не сделался порнографом вышеупомянутый Кондратович или другой литературный неудачник из того же сословия казенных переводчиков – некий Золотницкий (стр. 148). Любопытно также это представление о быте и бытовой поэзии, как о чем-то

сплошь похабном: «Нецензурные стихи Баркова представляют собой крайнее выражение бытовой поэзии – поэзии, установленной на быт» (стр. 142).

Глава VII (Эволюция альманахов) – чисто «академический» очерк, составленный в полном отрыве от какой-либо «коммерции» и годный скорее для литературной энциклопедии, если бы он не был так формалистски специфичен. («Мелкие стиховые жанры, диалектически сменившие высокую оду, поднялись из быта в литературу и потребовали своей канонизации». Интересно, – *из какого быта?* Приличного или неприличного?).

Главы I – III и V, посвященные книжно-рыночным отношениям досмирдинской эпохи, говорят по-разному об одном и том же. Так, о литературном гонораре говорится в трех разных местах: очевидно, авторы складчинной книги так спешили с ее выпуском, что даже не договорились как следует, кому, о чем писать. В конце II гл. на 12 страницах сообщаются общеизвестные сведения о просветительной деятельности Новикова, служащие явно к заполнению пространства, так как в конце очерка о Новикове автор главы прямо говорит: «Лубочная литература, пользовавшаяся успехом у купеческого и мещанского читателя, не только не издавалась Новиковым, но он боролся с ней. Поэтому Смирдин не является продолжателем Новикова» (стр. 90).

А чтобы читателю не было очень скучно, его время от времени угощают разными острыми вещами, в роде известного памфлета Воейкова «Дом сумасшедших» и его же «Парнасского адрес-календаря», совершенно некстати помещенных в 1-й главе, носящей заглавие: «Литературный рынок до Смирдина и лубочная литература».

Что касается изложения, то шевыревский упрек в употреблении «длинных предлинных периодов» к нашим авторам неприменим. Они пишут короткими, лапидарными фразами, «под Шкловского», но у них есть другое «стилистическое» средство для утолщения книги: почти каждое предложение они начинают с красной строки. Они, конечно, могут ссылаться на необходимость «графически-интонационного выделения» синтаксических

единиц, но читателю читать эту рубленую прозу так же трудно, как если бы красных строк совсем не было: злоупотребление красной строкой равносильно упразднению ее, в том и другом случае читателю приходится самому производить логическое членение текста.

Когда-то противники твердого знака высчитывали, насколько этот лишний графический знак утолщал книгу. Думается, что манера начинать каждое предложение с красной строки в этом смысле гораздо действительнее.

Книга имеет довольно изящную внешность, в ней дюжина недурных репродукций, но тем более хочется предостеречь от нее широкого читателя, особенно такого, для которого платить 3 рубля за виньетку и картинки – накладно. Редактура Шкловского и Эйхенбаума, вероятно, мнимая, или же она крайне небрежна. Скорее всего, лидеры формализма дали свои имена для рекламы, и недаром авторы книги так часто и с таким пиететом ссылаются на них, особенно на первого, при чем всякий раз, не ограничиваясь инициалами, выписывают имя отчество «метра» полностью. Что это: почтительность или... стремление и тут выгнать лишнюю страницу?

Н. Прянишников